

# РЯЗАНСКИЕ КОЛОКОЛА

Что можно успеть увидеть-услышать в Рязани за один день! Ну пройтись пару раз по центральным улицам, убедиться, что коммерческих киосков и грязи, пожалуй, поменьше, чем в первопрестольной. Ну зайти в несколько магазинов, сравнить цены с московскими — вроде бы чуть пониже. Ну бросить беглый взгляд на старинные храмы, на прелести местного раннего классицизма двухсотлетней давности, вспомнить, что культурная наша история началась несколько ранее, нежели хрущевское пятиэтажное строительство...

А МНЕ ПОВЕЗЛО, успел еще и попасть на целых два концерта! Один проходил в красивейшем здании города, бывшем дворце вельмож Рюминых, где сейчас помещается художественный музей — камерный хор «Голоса Рязани» под управлением Анатолия Лукишко исполнил сочинения Рахманинова

А второй (ради него, собственно, и ехал за 200 верст) состоялся вечером в филармонии. Четвертый фортепианный концерт Рахманинова, его же «Симфонические танцы» сыграли известный московский пианист Владимир Селиховин и Саратовский симфонический оркестр под управлением своего худрука, одного из лучших дирижеров России Мурада Аннамаметова.

Чем же так заинтересовал этот концерт? Да, конечно, программой — позднего Рахманинова я очень люблю, захватывает дух от этих рваных, лихорадочных ритмов, от внезапных иступленных мелодических всплесков, от беспрерывных резких переходов из ослепительного света в демоническую мрачность, из отчаянной надежды в трагическую беспро-

светность... Но нет, не только в программе было дело. А еще и в том, что концерт этот стал составной частью целого фестиваля музыки Рахманинова — он проходил в те дни в Рязани.

Вот ведь правда — ленивы мы и нелюбопытны. То, что случается под самым носом, еще замечаем, но остальное... Прошел, например, в Москве конкурс имени Рахманинова (довольно-таки средний по составу участников) — и вот уже все газеты принялись наперебой о нем трубить. А о рязанском празднике — практически ни слова. Хотя событие это по своему масштабу, пожалуй, даст фору московскому конкурсу: еще бы, за 12 дней прозвучало почти все творчество композитора.

Каждое крупное сочинение Рахманинова — это словно целая прожитая жизнь. Мы говорим: «божественный Моцарт», «величественный Бах» — и уже самими эпитетами как бы устанавливаем дистанцию между нами, небожителями, и нами, простыми смертными... Не таков Рахманинов. Когда слушаешь его — дистанция словно нет вовсе. Ты с ним заодно, и вы

вместе сгорае в огне той душевной драмы, которая стала «сюжетом» всех его произведений.

Те, кто пришел на концерты рязанского фестиваля, смогли многожды «прожить Рахманинова» — прожить его симфонические, вокальные, камерные сочинения. И, конечно, в особой степени испытали эту радость сами музыканты — Владимир (кстати, автор идеи всего фестиваля) даже специально заново выучил Первый концерт и «Рансодию на тему Паганини»; у Мурада тоже таким образом состоялось несколько рахманиновских премьер — Первая, Третья симфонии...

А через несколько дней в Рязань предстояло приехать поспавленной капелле имени Юрлова, которая спела здесь «Литургию», «Всенощную», «Колокола», другие хоровые произведения. Завершала же праздник восходящая «звезда» рязанской камерной эстрады Марина Чернышова, выступившая с программой рахманиновских романсов...

И все же, спросит тут, возможно, читатель, — почему именно Рязань? Как-то по-особому был связан с этим городом композитор? Ну, наверное, частенько проезжал через здешние места по пути в свою тамбовскую Ивановку. Очевидно, слышал о песенности рязанских краев. Что еще то?

Да вроде ничего. Просто город, которому через два года стукнет 900 лет, не забыл еще,

что он — частичка тысячелетней России, сохранил самобытную культурную среду, традиции артистической жизни. Не пустеют, например, филармонические залы — в 800-местном Большом, носящем имя Есенина, в тот вечер практически не было свободных кресел. Публика — отнюдь не фешенебельная, не Большого театр в дни премьер — но как же хорошо и тепло чувствуешь себя среди такого непривычного для нынешних оголтелых времен сосредоточения интеллигентных лиц!

О филармонии вообще стоит сказать особо. Здесь берегут лучшие традиции русского импресариата, отчего в город всегда с готовностью ехали Давид Ойстрах, Татьяна Николаева, Виктор Третьяков; уже пятнадцатый сезон подряд приезжают те же юрловцы, поют реквиемы Моцарта и Верди, девятую симфонию Бетховена. Даже эксцентричная Алла Пугачева в Рязани, говорят, преобразилась: куда девается ее вошедшая в легенду своенравность? Контактна, ровна, полна благодарности за теплый прием...

Нынешний худрук филармонии Борис Ананьин — одержимый человек: полтора года жизни положил он на то, чтобы фестиваль музыки Рахманинова состоялся — «выбивал» деньги у области (начальство которой, надо отдать ему должное, благоволит к начинаниям филармонии), добился от нее миллиона да примерно столько же от Министерства культуры, да сара-

товские спонсоры помогли... Планы же Бориса Николаевича простираются весьма далеко: он, например, мечтает «приписать» к своему ведомству один из бесхозных московских камерных оркестров (такие в столице есть, и притом достаточно крепкие в профессиональном отношении) — дать работу, поселить... Хотя, надо отметить, получить сейчас квартиру в Рязани не на коммерческой основе стало почти невозможно, вон ведь большинство певцов знаменитого Рязанского народного хора до сих пор ютится в общежитии...

Да, нелегко живется российской культуре. Взять, к примеру, саратовцев, гостей Рязанской филармонии. Работают в поте лица, вытягивают на себе музыкальную жизнь своего и многих других городов (только что провели у себя дома грандиозный фестиваль «Российская музыкальная академия», потом — Рязань, оттуда помчались в Вологду играть Брамса...) — а все получают за свои труды считанные тысячи в месяц. Селиховину родная Московская филармония «кинула» оскорбительный 14-й разряд в новоявленной табели о рангах (даже концертмейстеры бывают, устаиваются более высокого) — а он махнул на все рукой и концертирует, концертирует то в музее Скрабина, то в Московской консерватории, то в Томске, то в Баснауле...

Будучи в Рязани, зашел я, как уже сообщал, в тот самый художественный музей. И, естественно, пожелал купить что-нибудь на память об этом уникальном собрании художественных ценностей, которому поза-

видовал бы любой крупный европейский город. И, представьте мое разочарование, в музейном киоске не оказалось почти ничего!

Кроме разве книжки местного энтузиаста о самом зарождающемся музее. С какой чудесной провинциальной обстоятельностью написана она — но как же чудовищно напечатана где-то в области, чуть не на оберточной бумаге, без признаков корректуры! Почему-то вспомнились лоснящиеся росчерком глянцевого обложки всевозможных столичных «Андреев», «Пентхаусов»... Однако (вот парадокс!) не досаду, а надежду испытал я, глядя на ненастоящую книжицу, ибо в самом факте ее существования, в этой неуничтожимости доброй человеческой инициативы, способной пробиться сквозь и нищету, и нерадение окружающих, увиделся мне залог грядущего просветления...

Последние часы в Рязани. Тихо. Вечерний кремль освещен яркой лунной долькой, отблеск которой скользит по таинственно плывущим в черном небе среди звезд золотым куполам. Какая-то даже не совсем уже Русь, а Азия... Точно как в музыке Рахманинова, где родная русская песенность причудливым образом переплелась с непонятно откуда взявшейся восточной негой и страстью... Вот вам и еще одна ниточка духовной связи между творчеством композитора и уголком России по имени Рязань — городом, издавна смотревшим и на Запад, и на Восток, соперничавшим с Московской, но и покрывавшим ее от азиатских набегов... Что ж, видать, дух этот до сих пор не утрачен и Рязань по-прежнему крепкий орешек в станом хлебе Российской государственности, российской культуры.

Сергей БИРЮКОВ.